

УДК 398.1

DOI: 10.31029/vestiyali26/8

ФИЛОСОФСКИЕ СТИХИ И СТИХИ-РАЗДУМЬЯ ГАДЖИ-ЮСУФА МЕДЖИДОВА

Ф. М. Ибрагимова,

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского ФИЦ РАН*

Статья посвящена анализу стихов последних десятилетий жизни рутульского ашуга-поэта Гаджи-Юсуфа Меджидова, классика ашугской поэзии одного из малочисленных народов Южного Дагестана – рутулов. В поэзии Меджидова развита высшая гармония мысли и чувства, гармония образов, звуков и ритма. Стихи стали для него способом выражения глубоких размышлений о смысле жизни, о бренности бытия, откликами на все происходящее в окружающем мире, полном противоречий и проблем.

Ключевые слова: Южный Дагестан, рутулы, Гаджи-Юсуф Меджидов, ашуг-поэт, классик ашугской поэзии.

The article analyses verses of Gadzhi-Yusuf Medzhidov, the Rutul ashug-poet, classic of ashug poetry of one of the small people of Southern Dagestan – Rutuls, the verses were written by him in the last decades of his life. In his poetry the highest harmony of thought and feeling, harmony of images, sounds and rhythm is developed. The verses became for him the way of expression of his deep reflections about the meaning of life, about frailty of life, responses to all events of the world around full of contradictions and problems.

Key words: Southern Dagestan, Rutuls, Gadzhi-Yusuf Medzhidov, ashug-poet, classic of ashug poetry.

В поэтическом наследии Гаджи-Юсуфа Меджидова (литературный псевдоним – Юсуф) особое место занимают его стихи-раздумья и философские стихи. Произведения эти, творения последних десятилетий жизни ашуга-поэта, заключают в себе спрессованные за прожитые годы обобщения и не всегда отрадные выводы. В песнях «Рубль» («Манут»), «Денег я боюсь» («Зардийа гичерый зас») ашуг отмечает разлагающее влияние людской жадности, господство выгоды и денег. Если выделить в них основную линию, то это, пожалуй, предостережение: не суеверный ужас от возможных заблуждений и ошибок, а как бы ненавязчивый призыв к верности самому себе, неприятие нравственного «мотовства» при любых обстоятельствах. При этом ашуг оперирует критериями емкими, общечеловеческими, позволяющими объять сложность человеческого бытия (стихи «Жизнь» («Гьулмир»), «Это мир!» («Дунья ви!»).

Песнями «Завещаю» («Васи»), «Мир – это игра!» («Дунья уюнджагь ви!») и другими поэт подводит к мысли о достойном приходе к последней черте земного пребывания. В стихотворении «Мир – это игра!» («Дунья уюнджагь ви!») даны размышления о «суетности мира», о том, что «в мире – все сон и обман, все ведет к смерти».

Драматически напряженным смыслом наполнены стихотворения «Не поможет!» («Кумаг гьыкьидиш!»), «Пусть не плачут по мне!» («Захда медешихь!»), «Столу ты не служи» («Устлулас кьуллух мамагь»), полные раздумий о смысле жизни, общественном предназначении человека.

Конечно, у каждого из ашугов и поэтов был свой путь в жизни, своя непростая судьба, духовные драмы, взлеты и падения, наконец, часы нравственного пробуждения. Хотя молнии гнева, пафоса, иронии, казалось, вспыхивали среди «бури чувств и мыслей» и у Гаджи-Юсуфа, но он по-своему неповторимо тянулся к добру, свету, надежде.

В его лирико-философских стихах мы видим зрелого поэта с глубокими размышлениями о бренности бытия, с откликами на все происходящее в окружающем мире, полном противоречий и проблем:

Зы дишне ки ливиси,
Гъеми ваз, гъеми виригъ.
Хабар джившир руъуси,
ГъуИмрдикла гъийгъад йыгъ.

Зы накъудикла гъыгыр,
Гене закла навкъ хъывыгыр,
Бес зы гъыгын яратмаш
МаIна шиви, гъай, Йиниш?! [2, с. 65]
(«Муьдрик чIелбыр»)

И без меня будут светить
Эта луна, это солнце.
Непрошено уйдет
Из жизни день сегодняшней*.

Меня из земли сотворив,
Вновь в землю меня превратив,
Так моего сотворения
В чем же смысл, эй, Всевышний?!
(«Мудрые слова»)

Тема мира является сквозным в его творчестве, затем, варьируясь, этот мотив приобретает различные смысловые и эмоциональные оттенки. Передавая философские рассуждения языком лирики, отталкиваясь от конкретных реалий, ашуг приходит к обобщениям, достойным глубокого осмысления. Автор вопрошает:

Зы йи са гIынчиды саIйил,
СыратIанди гъый гъаный гъил.
Эй Юсиф, гъу га мавгъ гъафил,
Дунйа са фани, дунйа ви!.. [2, с. 60]
(«Дунйа ви»)

Я всего лишь часть одного дня
С тысячами проблем на душе.
Бедного Юсифа почему не порадовал,
Этот бренный мир, этот мир!..
(«Это мир»)

В этих стихах риторические вопросы можно рассматривать как попытку ашуга определить смысл своего существования, место в этой непредсказуемой жизни.

В философских стихах Гаджи-Юсуфа общечеловеческое неотделимо от личности самого ашуга-поэта, от того, что он испытал и преодолел, – от его судьбы. Общечеловеческое содержание глубоко личных, индивидуальных образов, мир его дум и чувств, самобытная метафоричность песен – вот главные черты особенности поэтики стихов Гаджи-Юсуфа. Герои ашуга живут неповторимой жизнью: у каждого в сердце – своя любовь, герой по-своему заблуждается и ошибается в поисках истины, иначе видит красоту мира. Все диалектически противоречивые мысли и чувства, заключенные в философских стихах Гаджи-Юсуфа, отра-

* Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи.

зились в той или иной степени в образно-эмоциональной плоти живых картин постперестроенной действительности. Поэзия этого периода обобщает жизненные явления и постигает сокровенный смысл человеческого существования. Для чего пришел человек в этот мир и с чем он уйдет? Вот те вопросы, ответы на которые мучительно ищет Гаджи-Юсуф:

Мал-девлетдий гуйамиш маІвгъ, эй, инсан.
Миды дунйа уюнджагъ ви, уюнджагъ!
Гъине Адам, гъине Муълкуъ Сулейман,
Са гъанненыс адгыйш бостан, бахча, багъ,
Миды дунйа уюнджагъ ви, уюнджагъ! [2, с. 59]
(«Дунйа уюнджагъ ви!»)

Богатством-скарбом не увлекайся, эй, человек.
Этот мир – игра, лишь игра!
Где же Адам, где Мулку Сулейман,
Никому не остались розарий, сад, огород,
Этот мир – игра, лишь игра!
(«Мир – это игра!»)

В этом стихотворении ашуг говорит о бренности мира, о неотвратимых законах мироздания, которые не щадят никого. Он призывает понять и принять закон природы, чтобы смиренно расстаться с тем, что дорого в этой жизни. Как в вышеприведенном, так и в другом стихотворении «Завещание» («Васи»), он просит друзей и родных не горевать по нему, так как он – один из великого множества ушедших, и выражает надежду встретиться с ними в ином мире.

Тема смерти не существует в лирике ашуга сама по себе как переживание старости, страха перед неизбежным. Он, как и всякий истинный художник, поднимается над темой в связи с решением вопросов человеческого бытия: зачем мы рождены?

В лирико-философской поэзии Гаджи-Юсуфа выражена сложная гамма чувств – печальные раздумья об эфемерности жизни и неумолимости судьбы. Осознавая необъятность Вселенной, ашуг ощущает себя «песчинкой в огромном этом мире». Для передачи глубины размышлений об устройстве мира, ашуг использует редиф «дунйа» (мир, свет, Вселенная), который усиливает эмоциональное звучание произведений:

Эй, далу кевлуъм, гъемиды
Дунйа са фани дунйа ви,
Инсан хыних кал рехиды,
Дунйа са фани дунйа ви.

УЛимаЙ эгътибар гъадиш,
ГъаІрхыІды къургъур хъикъасдиш,
Валлагъ, гъанненыс абгасдиш,
Дунйа са фани дунйа ви [2, с. 60].
(«Дунйа ви!»)

Эй, сумасшедшая душа,
Этот мир – безумный мир.
Человека, как ребенка, обнадеживающий,
Этот мир – безумный мир.

На бессмертие надежды нет,
Ушедший обратно не вернется,
Ей-богу, никому не останется
Этот мир – безумный мир.
(«Это мир!»)

Хотя, казалось бы, автор готов смиренно принять эту участь, он упорно ищет причины своей тоски, душевного одиночества. Объясняет он свою печаль не только личными переживаниями, но и мыслями о скорбном общем уделе всех людей. Гаджи-Юсуф принимает этот удел как неустрашимый и неизбежный, но находит в нем место для своего бессмертного духа. В этот период он творит стихи о радостях жизни, где нет мыслей о неотвратимом конце. Это светлая лирика, полная восторга. В ней жизнь полна страстей и волнений, без которых она бессмысленна и горька. Так появляется цикл стихов о природе, родных горах и реках, о красоте, о музыке и любви: «Когда играешь на сазе» («Саз выррыхыд гедене»), «Хорошо» («Йыха и»), «Любимая» («Гьай гирамгды»), «Горы» («Сывбыр»), «Лалаан» («Лалаан»), «Вспомнилось мне» («Кий либхьури») и др.

Однако очень короток этот период. Вскоре все опять меняется, исчезают свет и радость в его стихах, печаль пронизывает лирику, передавая внутренний мир ашуга-поэта, ищущего всюду всеобщий и вечный смысл («Жизнь» («ГьуИмир»), «Горю я» («Гьурхьаразы»)) и др. Его волнует отношение человека к жизни и смерти, к истории, к истине, к природе. Трагический удел человека на земле, по мысли Гаджи-Юсуфа, зависит от его изначальной двойственности – духовной и телесной, а также от нетленного и бренного, земного и небесного. Человек не может освободиться от своей противоречивой природы, так как оба начала в нем одинаково законны. Растерянный ашуг ограничил свой быт семьей и немногими друзьями, которые любят поэзию. Уединенность его усугубляется вечной думой о трагических противоречиях мира и душевной жаждой гармонии. Разрешение волнующих его душу и ум вопросов он ищет лишь в любви и в поэзии.

Проникая в самые затаенные, скрытые от взора интимные переживания любви, дружбы, Гаджи-Юсуф понимает, что гармония между материальным и духовным в современном обществе, где духовности осталось мало места, недостижима. Меркантильный XX век, утративший духовность, состоящий весь из одних только противопоставлений, противоречий, подвергается им беспощадному анализу («Ну и время пришло» («Йибкьыри»), «Эй, сосед» («Гьай, кьунши»)).

Итак, жизненной основой раздумий поэта явилась неудовлетворенность действительностью. Веру «в светлое будущее» Гаджи-Юсуф ищет в самом человеке, в его устремлении к высокому, прекрасному, впечатляющему. Чувствуя себя одиноким в своем родном ауле Ихрек, он обрекает себя на поиски истины: то едет в Азербайджан, то возвращается в Дагестан. Наконец, судьба «закинула» его на Ставрополье.

Горек пафос тех стихов, что родились вдали от его родного села, их можно назвать «чужбинным циклом». В каждой их строке – боль ашуга-поэта, отзвук его души и сердца, рассказ-исповедь о том, что сам видел на чужбине, и не только видел, но и по-своему пережил, перечувствовал на «крутых поворотах» истории, и в каждой – трагическая частица судьбы самого ашуга.

«Поэты – не перелетные птицы, – пишет Р. Гамзатов, – поэзия без родной земли, без родной почвы, очага и истока – это дерево без корней или птица без гнезда» [1]. Гаджи-Юсуф всегда помнит эти мудрые слова. Вот почему нельзя читать без волнения слова ашуга-поэта о том, что он не видит милые его сердцу места – Гогазды, Мирийхдад* и другие. Эти строки наполнены грустью, они огорчают: ашуг вдали от родного аула, который также тоскует по нему и его светлой поэзии. Стихотворение «Горы» («Сывбыр») «рождено» вдруг проснувшимся воспоминанием о скупой, обнаженной земле родных гор. Как много говорит сердцу поэта вид этих исполинов! Мысленно взобравшись на горы, ашуг засмотрелся, залюбовался родными вершинами. Учащенно бьется сердце, взору поэта-ашуга открывается картина летних зеленых гор, и он восклицает:

* Гогазды, Мирийхдад – названия гор в родном селении Ихрек.

Эй, Юсиф, дженнет ви гьаIр са-са дара,
БичИмикия ит лайшурий гьубгъура,
Эн четинды йигъа, лап дарди йигъа,
Йизди элдис арха, шу гьышид сывбыр [2, с. 41].

Эй, Юсиф, рай на земле – каждое ущелье,
Пчелы мед собирают с каждого цветка.
В самый трудный день, в самый трудный час,
Моему народу братская защита – эти горы.

В этом стихотворении передано настроение ашуга, душу которого начинают мучить воспоминания. Он вспоминает свою мать, песни, спетые ею в детстве. Тепло подступает к сердцу и возникают строчки:

Первердигар, лап гъаь гьидфуй
Са ниньхда джудфасыд йикI!
Са дагъарай на духлай гьукуй
Са ниньхда джудфасыд йикI! [2, с. 76]
(«ЙикI»)

Всевышний, пусть выскочит из груди
Сердце, что не сгорит от любви к матери!
Пусть превратится в камень
Сердце, что не сгорит от любви к матери!
(«Сердце»)

Кульминацией стихотворения можно назвать последние строки:

Бес Юсифыс гьидысидид
Са ниньхда джудфасыд йикI? [2, с. 76]

Так зачем же Юсуфу нужно
Сердце, что не сгорит от любви к матери?

Светлый материнский лик, память о неисчерпаемой материнской любви более, чем что-либо другое, «врачует» и успокаивает одинокую душу. Все чаще видится поэту материнская боль-тревога. Именно ей посвящены многие пронзительные строки.

Образ женщины-крестьянки, матери поэта-ашуга, неотделим у Гаджи-Юсуфа от вечного образа матери-Родины. Этот лирический глубинно-народный образ в его стихах поднимается на ту нравственно-этическую вершину, с которой ашуг как бы объемлет весь мир, во всей его сложности и противоречивости.

Через свое неповторимо-личное возникает и тема извечной материнской тревоги за судьбы Родины и сыновей. Так зарождается цикл стихов: «Когда плачут матери» («Аналар агълайанда»), «Зачем мне сердце, что не заплачет по матери» («Са ниньхда джешесыд йикI»), «Матери» («Ниньыс») и др. Сыновние чувства особенно ярко выражены в его стихотворении «Разве не ты?..» («Бес нин дишийме?»), обращенном к матери:

Гъа изды веледдис вар гьуIмирдихъван,
Къулвалды выгъыр ад бес нин дишийме?
.....

Виргъире навкъуис са руIгъ вылцIад кал.
ЙикIид сигъын ес вылцIад бес нин дишийме? [2, с. 77]

Любимому дитю всю свою жизнь,
Словно рабыня служившая, разве же не ты?

.....
Как солнце земле душу отдает,
Тепло сердца нам отдающая, разве же не ты?

Эти строки показывают, насколько ашуг приблизился к пониманию сути материнской любви – любви человека, давшего не только жизнь, но и тепло своего сердца. С каким вдохновением и восхищением пишет Гаджи-Юсуф о любви к матери!

Сложен мир человеческих отношений, сложны, порой и логически необъяснимы, стихийные порывы людских сердец, движения наших душ, временами таких странных и почти неуправляемых. В минуты растерянности стихи, песни для Гаджи-Юсуфа – «якорь спасения души». Каждая их строка – сокровенная исповедь человека перед своей совестью, но прежде всего – перед Отчизной, которую любит до боли сердечной.

В любви к матери и Родине – истоки характера и личности, и творчества Гаджи-Юсуфа. Он пронес эту любовь через все скитания, беды и несчастья, на которые обрекла его жизнь. Он выстрадал эту любовь и распахнул свое израненное любящее сердце перед людьми.

На поэзии Гаджи-Юсуфа лежит печать времени. Она проникнута и тревожной озабоченностью ашуга-современника о судьбах страны в бурное перестроечное время, и постепенным осознанием важности происходящих изменений, реформ для будущего его родины; и пафосом любви «ко всему живому на земле». Лирический герой его – современник эпохи грандиозной ломки человеческих отношений; мир его дум, чувств, страстей сложен и противоречив, характер драматичен.

В стихах Г.-Ю. Меджидова покоряет и захватывает удивительная гармония чувств и слова, мысли и образа. «Лирическим чувствованием» проникнуто все его творчество: и раздумья о судьбе человека, и стихи о любимой, теплом и душевным светом согреты и картины родной природы.

На действительность своего времени, на окружающий его мир природы, особенно на судьбу Родины, ашуг уже в лучших своих ранних песнях взглянул с проникновенной любовью. Истинные и искренние стихи о Родине всегда вызывают в нас чувство законной гордости, они всегда современны. Таковы и стихи Гаджи-Юсуфа «Родина» («Ватан», «Ватанай»), «Родина, о Родина!» («Ватан, гьай Ватан!»).

Мизис ширинды,
МаІна деринды,
Эзизды, нинды,
Ватан, гьай Ватан!

.....
Гьам девлет, гьам мал,
Ваа мувугьуй завал,
Ватан, гьай Ватан! [2, с. 36]
(«Ватан, гьай Ватан!»)

Языку – сладкая,
По смыслу – глубокая,
Добрая Родина-мать,
Родина, о Родина!

.....
И богатство, и имущество,
Да не постигнет тебя горе,
Родина, о Родина!
(«Родина, о Родина!»)

Судьбы Родины – России и Дагестана – вот что прежде всего глубоко волнует ашуга, определяет неустанный художественный поиск, гражданскую позицию, является главной темой всего его творчества – извечная радость и боль за них, немеркнущая мечта и надежда. В его стихах голос Родины, ее тревоги, в них душа народа, душа поэта, в них сама жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Светлой памяти Расула Гамзатова. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.liveinternet.ru/users/3166127/post334255353> (дата обращения: 08.04.2021).
2. *Меджидов Гаджи-Юсуф. Я – человек! (Инсан и зы!»)*. Махачкала, 2004. 292 с. На рутул яз.

Поступила в редакцию
13. 04. 2021.

Ибрагимова Фатима Магомедовна, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН; e-mail: iyalidnc@mail.ru **Ibragimova Fatima Magomedovna**, senior research worker, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS; e-mail: iyalidnc@mail.ru